

МОНОЛОГИ, ДИАЛОГИ, ДИСКУССИИ

Научная статья
УДК 141.1, 165.7
doi: 10.17223/1998863X/84/23

«РЕАЛИЗМ» АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ: КРИВОЕ ЗЕРКАЛО

Виталий Валентинович Целищев

*Институт философии и права, Сибирское отделение РАН, Новосибирск, Россия,
leitval@gmail.com*

Аннотация. Предметом статьи является критика концепции перевода аналитических текстов, представленная С. Никоненко в определении институциональных и теоретических контуров Томской школы. Показано, что предлагаемая им реконструкция дискурса и методологии работы с аналитическими текстами содержит серьезные фактологические ошибки, осложненные подменой концепции перевода с собственно философскими взглядами переводчика. Опровергается взгляд на перевод философских текстов как на процесс, подразумевающий «правку», «дописывание» и «додумывание» за автора переводимого текста. Показывается, что приписывание подобных установок является свехупрощением в оценке тщательной и тонкой работы, которая присуща томским аналитическим философам.

Ключевые слова: аналитическая философия, Томская школа, концепция перевода, реализм, текст

Для цитирования: Целищев В.В. «Реализм» аналитической философии: кривое зеркало // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 84. С. 286–294. doi: 10.17223/1998863X/84/23

MONOLOGUES, DIALOGUES, DISCUSSIONS

Original article

THE “REALISM” OF ANALYTIC PHILOSOPHY: A CROOKED MIRROR

Vitaly V. Tselishchev

*Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russian Federation, leitval@gmail.com*

Abstract. The subject of the article is a criticism of the concept of translation of analytical texts, presented by S. Nikonenko in the definition of institutional and theoretical contours of the Tomsk school. It is shown that his proposed reconstruction of the discourse and methodology of working with analytical texts contains serious factual errors complicated by the substitution of the translation concept with the translator’s own philosophical views. Although Nikonenko considers two special cases, firstly, the translation into Russian of works of analytic philosophy, and, secondly, the practice of such translation by Tomsk

philosophers, the discussion is characterized by several beliefs, or rather, Nikonenko's prejudices. These latter, in the form of implicit assumptions, from my point of view, significantly distort both the goals of translation of foreign philosophers and the work done by translators themselves. Thus, the aim of this note is to assess the degree of distortion and try to present a more objective picture. According to Nikonenko, the translation of analytical texts does not act as a craft peculiar to a significant range of discourses, but as some kind of embodiment of the principles and views that Tomsk philosophers profess and follow them strictly within a rather rigid paradigm. Indeed, "realism can be singled out as the ideological and theoretical setting of the Tomsk school". The "realism" that Nikonenko attributed to Tomsk philosophers is understood by him as a philosophical virtue, since it serves as a support for their critical position against the anti-realistic, idealistic and relativistic currents of analytic philosophy (which are automatically credited to its vices). And here begins the confusion that is characteristic of the entire Nikonenko's essay. He does not distinguish between these two types of work, one of which relates to the quality of translation, and the second to the translator's possible critical assessment of the position of the work in question. The "realism" of Tomsk philosophers as translators looks like a completely inappropriate characteristic in Nikonenko's description, since I do not see any common position among all Tomsk philosophers engaged in translations, and even more so, realism. Nikonenko's mistake is attributing to representatives of the Tomsk school the desire to "edit", "finish", "think out" the translated text. Here Nikonenko passes off the "mortal sin" of translators as a virtue. Fortunately, this sin is in no way peculiar to the Tomsk school; Nikonenko's very idea to portray the translation work of Tomsk philosophers in this light is a splint, and I strongly object to this kind of oversimplification in evaluating the careful and subtle work that is inherent in Tomsk analytic philosophers.

Keywords: analytic philosophy, Tomsk school, translation concept, realism, text

For citation: Tselishchev, V.V. (2025) The "realism" of analytic philosophy: a crooked mirror. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 84. pp. 286–294. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/84/23

«Томская школа аналитической философии: критические комментарии при переводе и редактировании аналитических текстов» – так называется очерк С.В. Никоненко [1], опубликованный в «Вестнике Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология» (далее – *Вестник*) (№ 80). Цель статьи, судя по всему, состоит в том, чтобы дать оценку той работы, которая ведется томскими исследователями в области аналитической философии, через призму ознакомления ими русскоязычных читателей с важными достижениями зарубежных мыслителей. Статья, несмотря на свою краткость, дает некоторое представление о трех вещах: о взглядах представителей Томской школы, об их переводах (и автор добавляет, «редактировании текстов»), наконец, волей-неволей, о философских предпочтениях самого автора статьи.

Очерк написан в позитивном ключе, без критических замечаний в адрес философов. Это обстоятельство и то, что статья опубликована в журнале, где главную скрипку играют герои очерка, ставят последних в несколько неловкое положение по этическим причинам. Поэтому, очевидно, имело смысл предоставить «человеку со стороны» дать оценку того, в какой степени все три аспекта очерка адекватно характеризуют ситуацию с Томской школой аналитической философии. Именно это сделал главный редактор *Вестника*, пригласив меня проделать эту работу.

Предметом анализа у Никоненко является понятие перевода. Хотя он рассматривает его для двух частных случаев, во-первых, перевод с английского на русский произведений аналитической философии и, во-вторых,

практика такого перевода томскими философами, обсуждению свойственны несколько убеждений, или скорее, предубеждений Никоненко. Последние, в виде неявных посылок, с моей точки зрения, существенно искажают как цели перевода иностранных философов, так и саму проделанную работу переводчиков. Таким образом, цель данной заметки состоит в том, чтобы оценить степень искажений и попытаться представить более объективную картину.

Судя по всему, замысел автора состоял в том, чтобы придать группе исследователей в области аналитической философии Томского государственного университета, которые также известны своей переводческой деятельностью, некоторую особую манеру, позволяющую назвать ее Школой. Такого названия заслуживает некоторого рода переводческая традиция, со многими специфическими признаками, методологическими установками, особым стилем, преемственностью и т.п. Я не уверен, что сами томские философы рассматривают себя в виде Школы, по крайней мере, в области перевода, но Никоненко находит некоторые характерные черты, которых, по его мнению, достаточно для такого понимания.

При этом перевод аналитических тестов выступает у него не как ремесло, свойственное значительному диапазону дискурсов, а как некоторого рода воплощение принципов и взглядов, которые томские философы исповедуют и следуют им неукоснительно в рамках довольно жесткой парадигмы. В самом деле, «в качестве идейно-теоретической установки Томской школы можно выделить реализм» [1. С. 267]. Похоже, что этот «реализм», которым Никоненко наградил своих героев, понимается им как философская добродетель, поскольку он служит опорой их критической позиции против антиреалистических, идеалистических и релятивистских течений аналитической философии (которые автоматически зачисляются в ее пороки). И вот здесь начинается путаница, которая свойственна всему очерку Никоненко.

Если, скажем, исследователь занимается формальным реализмом, то следует ли из этого, что сам он также является формальным реалистом? Другими словами, можно ли из предмета исследования заключать о собственной позиции исследователя? Или, совсем другими словами, если я исследую разновидности крокодилов, обязательно ли мне быть, скажем, нильским крокодилом? Но именно так получается у Никоненко, который зачисляет исследователей и переводчиков в логические реалисты, формальные реалисты, правовые реалисты и даже феноменологические реалисты, исходя из его понимания, кто чем из них занимается. Если читатель полагает, что это гротеск, то напрасно: дело обстоит именно так.

Понятно, что для описания собственно переводческой деятельности Школы нужно некое теоретическое представление области исследований упомянутых философов, если они не просто переводчики «по найму» и в своих переводах передают дух своего критического взгляда на переводимого мыслителя. Но это весьма сложное предприятие, поскольку спектр собственно философских точек зрения чрезвычайно разнообразен. Никоненко разрубил гордиев узел, возложив всю специфику работы «переводчиков и редакторов текстов по аналитической философии» на «воззрения представителей Томской школы», а эти воззрения описываются им просто – как уже говорилось, они все реалисты. Этим и ограничивается «анализ» их теоретических

воззрений», и далее Никоненко переходит к основному – «переводческому» – вопросу.

Хорошо известно, что философы ТГУ фактически начали новое дело, запустив систематическое издание по переводу работ в области аналитической философии, поначалу на местном уровне, в частности, в виде книг Издательства ТГУ, а затем уже в известном московском издательстве в рамках серии под названием «Библиотека аналитической философии». Само по себе это предприятие вышло за рамки простого ознакомления русскоязычных читателей с важнейшими работами в философии XX в., поскольку стало одним из организующих элементов структурирования несколько аморфной атмосферы российской философии, прежде всего в отношении последней к естественным наукам, математике и математической логике. Кроме того, должное внимание в этой серии уделялось и «пограничным» разделам, в частности, феноменологии, философии языка, а также анализу языка права.

Безусловным достижением является представление русскоязычному читателю работ отцов-основателей аналитической философии – Фреге, Рассела, Витгенштейна. Обычно к этим трем добавляется Дж. Мур, но в последнее время ходит шутка, что он играет в предполагаемой четверке ту же роль, что Ринго Старр в группе «Битлз». Природа не терпит пустоты, и это место занял Ф. Рамсей. Можно только удивляться проницательности томичей, которые перевели труды Рамсея (дополненные монографией о его творчестве) и тем самым завершили довольно полную «презентацию» истоков аналитической традиции. Не остановившись на этом, они уделили особое внимание позднему Витгенштейну и опять-таки, пойдя дальше, представили на русском языке его ипостась в лице Крипкенштейна и полемику вокруг нее [2, 3]. Для полноты картины ими дан целый спектр книг и статей, окружающих основные фигуры, доводя обсуждение проблем до совсем недавних авторов. В некотором смысле аккордом в этой деятельности является перевод нескольких сборников статей и одной книги монументальной фигуры Куайна; некоторые из этих статей инициировали новый поворот в аналитической философии. Вызывает восхищение как объем проделанной собственно переводческой работы, так и ее «аналитическое» сопровождение в виде комментариев, вводных статей и оценок.

Как уже было сказано выше, Никоненко не склонен различать эти два вида работы, один из которых относится к качеству перевода, а второй – к возможной критической оценке переводчиком позиции рассматриваемой работы. «Реализм» томских философов как переводчиков выглядит в описании Никоненко совершенно неуместной характеристикой. Означает ли она, что содержимое материала, который переводится, нужно передавать каким-то особым образом, который бы высвечивал «реализм» переводчика, или, в неприятном для Никоненко, какой-то иной «-изм», скажем «релятивизм» или «идеализм». Должно ли это обстоятельство, в духе *Трактата*, «показывать» себя, не будучи высказываемым, или же сам перевод должен быть проникнут атмосферой неприятия неприятных «-изм», или же, наконец, должна быть явная оговорка переводчика, что он «переводит» в «правильном реалистическом направлении». Означает ли это, что переводчик намеренно отклоняется от исходного текста одним из трех упомянутых способов, тем самым умышленно искажая текст, и, как следствие, что читатель перевода будет только

благодарен переводчику за то, что тот уберег его от «неверного» понимания текста? Это поднимает сложные вопросы адекватности перевода, и я не настаивал бы особо на том, что переводчик является воистину нейтральным – в любом случае он к чему-то склонен. Однако эта склонность не должна доходить до такой степени, чтобы перейти в разряд предубеждения или, больше того, «заказа». Но, как бы то ни было, такие предубеждения обычно скрываются, поскольку высшим критерием качества перевода является все-таки «передача» мысли автора, как бы наивно это не звучало.

Другой упрек Никоненко состоит в том, что он привержен реализму, как «правильному» философскому направлению, поскольку с явным одобрением отзывается о реализме томских философов. Здесь возникает несколько вопросов. Термин «реализм» имеет множество смыслов, и этим термином с полным правом можно обозначить значительное число четко различающихся направлений. Какое именно имеет в виду Никоненко, он не уточняет. Далее, противоположность реализму, а именно, так называемый антиреализм, скажем в философии логики и математики (именно та область, которая предпочтительна для томских философов), является вполне уважаемым направлением, так что вышеупомянутое одобрение повисает в воздухе – томские философы вполне могли быть антиреалистами, без всякого ущерба для своей репутации. Это вообще-то банальные вещи, и странно как-то оговаривать их специально. Но есть ощущение (я не настаиваю на его повсеместности), что считаться реалистом у Никоненко – значит обладать моральной и даже идеологической добродетелью. В противном случае трудно понять, почему Никоненко с ошутимым осуждением говорит о «релятивизме», «идеализме» и «антиреализме» как противниках реализму. Больше того, он подозревает, что элементы этих предосудительных учений каким-то образом прокрались в переводимые томскими философами труды, и достоинством их переводов является как раз выявление «супостатов».

Мне кажется, Никоненко плохо понимает, что собой представляет пресловутый релятивизм Р. Рорти или Т. Куна, или же объективный идеализм К. Гёделя, или же субъективный идеализм феноменологии, и т.п. Тут все термины надо брать в кавычки, потому что только наивный новичок может понимать эти термины буквально. Но тогда трудно понять, является ли название томских философов реалистами просто похвалой или же попыткой какого-то анализа их философских приверженностей.

Дальнейший упрек состоит в том, что Никоненко напрямую связывает эти приверженности с качеством переводов. Больше того, он полагает, что именно правильные приверженности (надо понимать, приверженности «реализму») позволяют томским философам свою переводческую работу считать не просто ремесленным делом, а серьезным исправлением тех дефектов, которые изначально присутствуют в переводимых работах. В данном случае таким дефектом, очевидно, является сползание «реализма» переводимых авторов в «релятивизм», «идеализм» и «анти-реализм». Но этого мало. Никоненко полагает, что такая бдительность томских философов связана с традицией именно русской переводческой школы. А как иначе можно расценить такой пассаж из статьи Никоненко: «Здесь особо следует отметить, что представители Томской школы как переводчики и редакторы демонстрируют безупречный исследовательский такт. Будучи реалистами, томские ученые (что соответствует духу

русской философии) стремятся вскрыть внутреннюю „правду“ в анти-реалистических, идеалистических, релятивистских позициях» [1. С. 270–271].

Вообще говоря, плоды русской переводческой традиции можно видеть в издании классиков зарубежной литературы, например, в серии «Философское наследие» (изд-во «Мысль»). И здесь мне стало обидно за русских переводчиков, скажем, *Первой Критики* И. Канта (можно упоминать и любого другого философа). Они были достойными представителями русской философии (М. Владиславов, Н. Соколов и, конечно же, Н. Лосский), добросовестными и квалифицированными переводчиками, исправлявшие ошибки предшественников, но никак не старавшиеся «вскрыть правду» относительно Канта. Это же относится и современному изданию сочинений Канта на русском языке под редакцией Н. Мотрошиловой. Так что приписывание русской школе переводчиков стремления исказить переводимый текст в угоду любых соображений я считаю совершенно необоснованным.

Но те же самые слова следует сказать и о томских философах, переводческая работа которых отмечена высокой степенью профессионализма и добросовестности. Здесь есть два аспекта, которые нужно подчеркнуть. Во-первых, Никоненко все время путает, о чем уже говорилось, проблемы перевода собственно текста и комментирование этого текста. Во-вторых, он почему-то считает, что тон и содержание комментариев томских философов определяются их единой позицией «реализма». Прежде всего, я не усматриваю никакой единой позиции у всех томских философов, занятых переводами, и уж тем более реализма. И кроме того, я не усматриваю в их комментариях ничего похожего на «вскрытие правды» (заметьте, «правды», а не «истины») – есть существенная разница в коннотации этих слов в русском языке). И я решительно возражаю против приписывания томским философам намерений исказить мысль переводимого мыслителя. В самом деле, допустимо ли считать, что «представители Томской школы... не являются простыми трансляторами; они всегда интерпретаторы, зачастую критически настроенные, стремящиеся „править“, „дописывать“, „додумывать“ переводимый текст» [1. С. 268]. Здесь Никоненко выдает «смертный грех» переводчиков за добродетель! К счастью, этот грех никак не свойствен Томской школе; сам замысел Никоненко изобразить переводческую работу томских философов в таком свете представляет собой лубок, и я резко возражаю против подобного рода сверхупрощений в оценке тщательной и тонкой работы, которая присуща томским аналитическим философам.

Но, как гласит знаменитый афоризм, «Дьявол кроется в деталях» Помимо разговоров о методологии перевода, статья Никоненко полна странными заявлениями, сделанными как будто представителем аналитической философии, как в фактическом, так и в стилистическом отношении. Последние особенно бросаются в глаза. Например, о Витгенштейне: «Британский философ австрийского происхождения» [1. С. 269] (как будто читатели не знают ничего о философе), или о переводчиках: «Комментирование высшей степени сложности» [1. С. 269] (что является излишней по всем понятиям лестью им). Встречаются и вовсе загадочные фразы вроде: «В свою очередь, Суровцев представляет Рассела как последовательного эпистемологического реалиста, вопреки суждениям большинства критиков, вскрывающих логицизм британского философа» [1. С. 269]. Здесь все неясно: когда Рассел был «последова-

тельным эпистемологическим реалистом», кто были эти самые критики, и наконец, что значит «вскрытие логицизма британского философа»? Анатомический термин тут явно неуместен, и совсем уж неясна предполагаемая связь логицизма с эпистемологическим реализмом. Ясно, что тут имеет место простое нагромождение никак не соотносящихся друг с другом терминов, имен и анонимного «большинства критиков».

Вынужденная краткость статьи Никоненко склоняла его к замечаниям, отнести которые к какому-то периоду или стадии эволюции философа попросту невозможно, что делает эти замечания загадочными. Например: «Витгенштейн, памятуя о реалистическом прошлом...» [1. С. 269]. Быть может, Никоненко решил подкрепить «реализм» Томской школы авторитетом «реалиста» Витгенштейна, но в любом случае такие фразы просто повисают в воздухе. Именно это случается, когда Никоненко провозглашает: «Представители Томской школы... демонстрируют унифицированный подход с позиций критического реализма» [1. С. 270]. Хотя я не берусь отвечать за реакцию на этот вердикт самих томских философов, но не удивлюсь, что они будут несколько озадачены им или скоро признают, что недостойны пока такой похвалы.

Иногда Никоненко делает и вовсе опрометчивые замечания: «С нашей точки зрения, в отечественной литературе никто столь решительно не противопоставляет идеи Рассела и раннего Витгенштейна» [1. С. 269]. Дело в том, что В. Суровцев был редактором перевода книги Я. Хинтикки «О Витгенштейне», третья глава которой называется «Мысли Рассела под названием „Логико-философский трактат“» [4], и я как переводчик ни разу ни слышал от редактора никаких «решительных» протестов в адрес Хинтикки по этому поводу. Больше того, как переводчик В. Суровцев, судя по всему, согласен с вердиктом автора переведенной им статьи Л. Голдстейна «В какой степени оригинален “Логико-философский трактат“?» Голдстейн говорит: «Взгляд, который я защищал в этой статье, состоит в том, что на раннем этапе Витгенштейн был вторичным мыслителем, что признание, сделанное им относительно отсутствия собственной оригинальности, было хорошо обосновано. *Трактат* – важная работа, но это плод семян, посеянных в душе Витгенштейна Расселом, Фреге и многими другими» [5. С. 239].

Томские переводчики сделали доступными многие книги, но все-таки учитывать надо в первую очередь значимость самих этих книг (не того, что они были переведены). Никоненко делает как раз обратное: он считает перевод книги А. Айера «Язык, истина, логика» [4], очень популярной книги об идеях Венского кружка, чуть ли не вехой в объяснении эволюции Рассела и Витгенштейна. Никоненко утверждает, что «подчеркивая эволюцию Рассела и Витгенштейна в сторону все более последовательного формализма, Суровцев сделал ключевой фигурой для понимания этого процесса труд Айера „Язык, истина, логика“» [1. С. 270].

Слов нет, книга действительно очень известная, ясно и то, что приведенная выше цитата Никоненко является сильным преувеличением, если не сказать больше. Я. Хакинг назвал в одной из своих работ книгу Айера «восхитительной вулгаризацией», каковой она и является для профессионалов, будучи крайним упрощением взглядов логических эмпиристов и раннего Витгенштейна. Честно говоря, мне трудно представить, как можно было сде-

лять Айера «ключевой фигурой» в загадочной эволюции обеих фигур «в сторону все более последовательного формализма». Что означает здесь «формализм» – программу Гильберта, веру Витгенштейна в силу «показывающего», но не «высказывающего» символизма, модификацию символизма второго издания *Principia Mathematica* или что-то еще?

Боюсь, мои претензии к очерку Никоненко заключаются еще и в крайне небрежном разбрасывании им имен и течений, концепций и намерений, что крайне нежелательно при обсуждении судеб аналитической философии, хотя бы и в переводах. Вот, например, говорит Никоненко по поводу наиболее известного аналитического философа второй половины XX в. У. Куайна: «По сути, куайновская трактовка высказываний не сталкивается с реальностью; она замкнута в рамках концептуальной схемы. В последние годы в исследованиях Томской школы критика лингвистического релятивизма, равно как и антиреалистических и натуралистических концепций, становится все более заметной» [1. С. 271].

Итак, Куайн – лингвистический релятивист? Как и прежде, весь этот набор слов никак не отвечает ни тому, что делал сам Куайн, ни тому, что собственно говорят сделанные Томской школой переводы Куайна [7, 8]. Откуда же появляются «стимулы» Куайна, как не из реальности? В чем заключается все «более заметность» критики Томской школы, скажем, натуралистических концепций?

Если Никоненко хотел воздать должное Томской школе в ее крайне важной работе по переводам классических и современных работ по аналитической философии, то боюсь, что он не справился со своей задачей. В статье есть много неточностей и несообразностей, но, пожалуй, главный недостаток заключается в неявном предписании переводчикам «править», «дописывать», «додумывать» переводимый текст, исходя из предубеждений не самого грамотного толка. Именно такую установку он ставит в заслугу Томской школе. Я считаю, что она никогда не принимала к реализации такую установку, и приписываемый томским философам «реализм» в качестве единственной правильной позиции для аналитической философии является скорее результатом понимания ее характера самим Никоненко, нежели «реальным» положением дел в ней.

Список источников

1. Никоненко С.В. Томская школа аналитической философии: критические комментарии при переводе и редактировании аналитических текстов // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 80. С. 265–273.
2. Кринке С. Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке / пер. с англ. В. Суровцева М. : Канон-плюс, 2010.
3. Бейкер Г., Хакер П. Скептицизм, правила и язык / пер. с англ. В. Суровцева, В. Ладова. М. : Канон-плюс, 2008.
4. Хинтиikka Я. О Витгенштейне / пер. с англ. В. Целищева ; ред. В. Суровцев. М. : Канон-плюс, 2013.
5. Голдстейн Л. «В какой степени оригинален ‘Логико-философский трактат’?» // Логика, онтология, язык / пер. с англ. В. Суровцева. Томск : Изд-во ТГУ, 2006.
6. Айер А. Язык, истина, логика / пер. с англ. В. Суровцева, Н. Тарабанова. М. : Какон-плюс, 2010.
7. Куайн У. С точки зрения логики / пер. с англ. В. Суровцева, В. Ладова. М. : Какон-плюс, 2010.

8. Куайн У. Философия логики / пер. с англ. В. Суровцева, В. Ладова. М. : Канон-плюс, 2008.

References

1. Nikonenko, S.V. (2024) Tomsk school of analytic philosophy: critical comments by translators and editors of analytic texts. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 80. pp. 265–273. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/80/24
2. Kripke, S. (2010) *Vitgenshteyn o pravilakh i individual'nom yazyke* [Wittgenstein on rules and private language]. Translated from English by V. Ladov, V. Surovtsev. Moscow: Kanon-plus.
3. Baker, G. & Hacker, P. (2008) *Skeptitsizm, pravila i yazyk* [Scepticism, rules, and language]. Translated from English by V. Ladov, V. Surovtsev. Moscow: Kanon-plus.
4. Hintikka, J. (2013) *O Vitgenshteine*. [On Wittgenstein]. Translated from English by V. Tselishchev, V. Surovtsev. Moscow: Kanon-plus.
5. Goldstein, L. (2006) V kakoy stepeni originalen “Logiko-filosofskiy traktat”? [To what extent is the Tractatus Logico-Philosophicus original?]. Translated from English by V. Surovtsev. In: Surovtsev, V. (ed.) *Logika, ontologiya, yazyk* [Logic, Ontology, Language]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 219–244.
6. Ayer, A. (2010) *Yazyk, istina, logika* [Language, Truth, and Logic]. Translated from English by V. Surovtsev, N. Tarabanov. Moscow: Kanon-plus.
7. Quine, W. (2010) *S tochki zreniya logiki* [From a logical point of view]. Translated from English by V. Ladov, V. Surovtsev. Moscow: Kanon-plus.
8. Quine, W. (2008) *Filosofiya logiki* [Philosophy of Logic]. Translated from English by V. Surovtsev. Moscow: Kanon-plus.

Сведения об авторе:

Целищев В.В. – научный руководитель, доктор философских наук, профессор, Институт философии и права Сибирское отделение РАН (Новосибирск, Россия). E-mail: leitval@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Tselishchev V.V. – scientific director, Dr. Sci. (Philosophy), professor, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: leitval@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 15.02.2025;
одобрена после рецензирования 02.04.2025; принята к публикации 17.04.2025
The article was submitted 15.02.2025;
approved after reviewing 02.04.2025; accepted for publication 17.04.2025*